

Новикова М.А.

УДК 82-14:83.692.5

**ПАСХАЛЬНАЯ ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНАЯ ЛИРИКА
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
ВУЗОВСКОГО ИЗУЧЕНИЯ**

Аннотация. В статье впервые восточнославянским читателям-гуманитариям представлен перевод средневековых Пасхальных церковных песнопений Англии. Дается анализ их жанровой и интертекстуальной структуры в сопоставительном контексте католической и православной традиций.

Ключевые слова: Англия, Средневековье, Пасха, церковные песнопения, жанр, интертексты, контекст, сопоставительный анализ, католическая и православная традиции.

Аноація. У статті вперше презентовано східнослов'янському читачеві-гуманітарію переклад середньовічних Великодніх церковних співів Англії. Подано аналіз їхньої жанрової та інтертекстуальної структури в зіставному контексті католицької й православної традиції.

Ключові слова: Англія, Середньовіччя, Великдень, церковні співи, жанр, інтертексти, контекст, зіставний аналіз, католицька й православна традиції.

Summary. The paper gives the first presentation of medieval poems on Passion for the East Slavic humanitarian audience in modern English (B. Stone) and Russian (M. Novikova) poetic translation. These are supplied with the genealogical and intertextual analysis within the Catholic and the Orthodox tradition. Chants of Passion adequately complete the canticle of Christmas and the Annunciation cycles. The Trinity cycle in Western anthologies is lacking. Apparently, it merged with the motives of the revived human and cosmic nature of the cycle Annunciation. As the previous two cycles, Passion – it is a striking example of the Catholic spiritual creativity. It must be admitted that in the Orthodox liturgical tradition, it has no direct analogues, genre or emotionally-shaped ("reproaches"). The nearest parallels - verses of Good Friday: "tomb weeping" of Joseph of Arimathea and Mother of God.

Keywords: England, Middle Ages, poems on Passion, genre, intertexts, context, comparative analysis, Catholic tradition, orthodox tradition.

Прелиминарии. В предыдущем нашем сообщении были освещены трудности освоения нового материала и новых методологий в преподавании вузовских литературоведческих и культурологических дисциплин, когда речь заходит о церковно-религиозной лирике западноевропейского Средневековья [1]. Резюмируем эти трудности вкратце.

1. Студентам не хватает доступного текстового материала – не пародийного (типа «Всебянейшей литургии») и не колоритного (типа поэзии вагантов), но всё же маргинального для духовной средневековой литературы.
2. Ещё больше недостаёт методологической базы: новых принципов анализа церковно-религиозной лирики. Имеются в виду методы, соотносимые с теми, какие уже знакомы вузовцам-филологам и культурологам.

Предыдущее сообщение было построено на образцах Рождественской духовной лирики, которые впервые вводились в восточнославянский научный и читательский обиход. Нынешнее сообщение также вводит новый материал, но теперь уже песнопений Пасхальных. В качестве примера выбраны т. н. «Укоризны Христовы». Взяты они из уже комментированной нами антологии средневековой английской поэзии [3], с учётом примечаний её составителя и интерпретатора Брайена Стоуна (Brian Stone, 1919–1956).

Жанрологический аспект. «Укоризны Христовы» – духовный жанр особый. Пелись они по всей Западной Европе во время церковной службы раз в году, в Страстную Пятницу, за два дня до Пасхи. По форме это обращение Христа к тем, кто Его предал: к народу (так в нашем примере), или к ученикам, или к одному из них, Иуде Искариоту [3]. По содержанию это перечень милостей и благодеяний, оказанных Христом, и ответной неблагодарности, проявленной к Нему. Большинство «укоризн» остались анонимными. Наш случай – исключение. Мы знаем, что данный текст принадлежит о. Вильяму Гереберту (Friar William Herebert, ?–1333), монаху-францисканцу из Геррефордского монастыря в Восточной Англии [4]. Неизвестной остается, однако, степень его участия в создании текста. Был ли он простым его фиксатором? Или автором? Или (что вероятнее) перелагателм какого-нибудь текста-предшественника, еще более древнего?

Интертекстуальный аспект. К какому же «народу» обращает здесь Христос свои укоризны? Ответ может быть тройким: к «народу Израиля», он же еврейский народ, он же народ Палестины. В самом деле, эпизоды из Библии, на которые ссылается Христос, охватывают ветхозаветные события от Исхода евреев из Египта, через их 40-летние скитания по Синайскому полуострову и вплоть до завоевания Земли Обетованной на территории «Ханаана»: союза нескольких языческих палестинских царств. Однако именно интертекстуальный анализ показывает, что адресат «укоризн» может быть лишь одним: «народом Израиля».

Разумеется, «народ Израиля» состоял из этнических семитов. Но соседями его были тоже семиты: и египтяне, и абиссинцы, и арабы, и евфусеи, и хананеи. Не их упрекает Христос. «Народ Палестины» – понятие территориальное, к тому же исторически изменчивое. Изначально «Палестина» подразумевала землю не евреев, а филистимлян (откуда и пошло её название) [5]. Что же касается древних евреев, Родину-государство они то приобретали, то теряли, то возвращали себе вновь, а «народ Израиля» оставался. Кроме того, Христос Библии – не вождь на военном совете и не агитатор на митинге. Он не может апеллировать к «политической нации» – он взывает к тому «народу», с кем Бог заключил свой вечный союз («Завет», «берешет» [6]). И самое главное – это те (и только те), кто принял на себя эту миссию: служить

Единственному Богу, – и остался ей верен. Т. о. «народ» здесь понятие не этническое, не политическое, не территориальное, а религиозное.

Историко-культурный аспект. Именно в таком смысле была воспринята идея «народа Божьего» молодыми христианскими народами Европы. В таком смысле должны были восприниматься «укоризны» и паствой – их слушателями, и церковнослужителями – их исполнителями. Иначе зачем, например, петь эти духовные стихи в английской церкви XIV века? Ведь ни палестинцев, ни иудеев, ни евреев в Англии к тому времени уже не было. После эдикта Папы Гонория IV (1285–1288), воспретившего любые контакты между христианами и иудеями, около 16.000 евреев вынуждены были в 1290 году покинуть страну. Почти 350 лет в Англии официально не существовало ни единой еврейско-иудейской общины. Лишь в 1655 году Оливер Кромвель, вождь английской Реформации, разрешил евреям вернуться назад. Однако в английских храмах продолжали оставаться изображения ветхозаветных пророков и праведников, новозаветных апостолов, петься молитвы им и о них. Это возможно при одном условии: если и «народ Божий» Ветхого Завета, и «новый народ» Завета Нового понимались в универсальном, вселенском ключе: как образец (и аналог) любого «обращенного» народа и человека.

Библейский аспект. Подобное расширительное толкование объясняет некоторые неточности и даже ошибки в тексте о. Вильяма. Так, в нём явно смешиваются фигуры Бога-Отца и Богы-Сына (чего сам Христос в своих беседах и проповедях никогда не допускал). Нигде, к примеру, мы не услышим у Него, что вёл народ через пустыню именно Он, Христос. Да и выдал Христа Верховному иудейскому суду и совету Синедриону, всё же один Иуда, а не весь народ. И бичевали Христа после допроса у Понтия Пилата, распинали, подносили Ему, распятому, желчь и уксус для утоления жажды, конечно же, не иудеи, а римские легионеры. Но для автора (или для коллективных авторов) этого песнопения выжжен не столько исторический фактаж, сколько нравственный урок и эмоциональное потрясение.

Риторический аспект. Какими же средствами это потрясение достигается? Во-первых, во всех западноевропейских песнопениях Страстной Седмицы лейтмотивом проходит образ Тела Христова, измученного и израненного. Анализируемый текст ещё достаточно сдержан. В других текстах бесконечно повторяются физические детали: багровые раны на белой коже; спина в рубцах от бича; чело, изъязвленное терновым венцом; руки, пригвожденные ко Кресту. Самый Крест зачастую именуется «Древом», или ещё грубее: «Стволом», «Столпом» (по-английски “the Rood”), чем подчеркивается грубая «натуральность» Христовых страданий [7].

Одновременно в свидетели этих страданий призываются все космические силы: солнце и звёзды; небо и земля; гроза и землетрясение. Дополняют эту космическую картину контрастные краски: черные, белые, красные. Завершают же её лейтмотивы эмоциональные: плач и воздыхание, тоска и печаль, боль и горе.

О. Вильям Герфордский, повторим, сдержаннее в красках и эмоциях: ведь текст здесь произносится от имени Христа. Зато текст этот богат антитезами, иногда неожиданно смелыми (питьевая вода, хлынувшая из скалы в пустыне, – уксус, которым поят Распятого), и настойчивыми вопросами, нарастающими в своей императивности (рефрены «Что не сделал Я тебе», т. е. народу, – и : «За то ль ты гонишь, предаешь» и т. д. «Меня»?). Самое же сильное, чем потрясает текст, – это прямое обращение к присутствующим Бога, лично Христа.

Заключение. Подведём некоторые итоги нашего анализа.

1. Песнопения Страстного цикла достойно завершают песнопения Рождественского и Благовещенского циклов.
2. Троицкий цикл в западноевропейских антологиях отсутствует. По-видимому, он слился с мотивами возрожденной человеческой и космической природы из цикла Благовещенского.
3. Как и два предыдущих цикла, Страстной цикл – яркий образец католического духовного творчества. В православной литургической традиции ему нет прямых аналогов, ни жанровых («укоризн»), ни эмоционально-образных. Ближайшие параллели – стихиры [8] Великой (Страстной) Пятницы: «надгробные рыдания» Иосифа Аримафейского и Богородицы [9].
4. Однако неслучайно монологи эти отданы не Христу, а Его окружению. Для Восточного Православия «готический надрыв» [9] укоризн звучал бы, вероятно, «человеческим, слишком человеческим» упрёком, как бы забывающим о том, что на страдания и смерть Христос шёл сознательно и провиденциально.
5. Наконец, восточно-православная традиция даже в службах Страстной Седмицы не погружает свою паству в бездну отчаяния, постоянно напоминая о близком Воскресении Христовом.

Приложение. О. Вильям Герфордский (?–1333). Песнопения Страстной Седмицы (Укоризны Христовы). Народ мой, что не сделал Я тебе? / Обидел ли? Не внял твоей мольбе? / Народ мой, скажи правду о себе. // Из рабства выводил тебя в пустыне, / Хлеб ангелов давал на благостыне, / Явил тебе заветы и святыни, / Домой тебя довёл – и что же ныне? // Народ мой, что не сделал Я тебе? / Обидел ли? Не внял твоей мольбе? / Народ мой, скажи правду о себе. // В неволе приходил тебе на помощь – / За то ли на Голгофу Меня гонишь? // Народ мой, что не сделал Я тебе? / Обидел ли? Не внял твоей мольбе? / Народ мой, скажи правду о себе. // Египтянин сокрушил не для тебя ли / И первенцев лишил не для тебя ли? // Народ мой, что не сделал Я тебе? / Обидел ли? Не внял твоей мольбе? / Народ мой, скажи правду о себе. // Провёл тебя сквозь бездну вод разъяту, / Пройти по дну не давши супостату, – / За то ли предаешь Меня Пилату? // Народ мой, что не сделал Я тебе? / Обидел ли? Не внял твоей мольбе? / Народ мой, скажи правду о себе. // Шёл облаком с тобой по небосклону – / За то ль Меня сдаёшь Синедриону? // Народ мой, что не сделал Я тебе? / Обидел ли? Не внял твоей мольбе? / Народ мой, скажи правду о себе. // Чего же для тебя не

сотворил Я? / И чем ещё тебя не одарил Я? Народ мой, что не сделал Я тебе? / Обидел ли? Не внял твоей мольбе? / Народ мой, скажи правду о себе. // Исторг тебе родник на суходоле – Поишь Меня ты уксусом за то ли? // Народ мой, что не сделал Я тебе? / Обидел ли? Не внял твоей мольбе? / Народ мой, скажи правду о себе. // Отдал весь Ханаан тебе едину – / За то ли ты бичуешь Мою спину? // Народ мой, что не сделал Я тебе? / Обидел ли? Не внял твоей мольбе? / Народ мой, скажи правду о себе. // Венчал тебя во Царстве Моём горнем – / За то ли ты венчаешь Меня тёрном? // Народ мой, что не сделал Я тебе? / Обидел ли? Не внял твоей мольбе? / Народ мой, скажи правду о себе. // Дал славу тебе, мир и благодать Я – / Ты не дал ничего, кроме Распятья. // Народ мой, что не сделал Я тебе? / Обидел ли? Не внял твоей мольбе? / Народ мой, скажи правду о себе.

04.2012

Перевод с латыни Марины Новиковой.

Источники и литература:

1. Новикова М. А. Церковно–религиозная лирика Средневековья : теория и методология вузовского изучения / М. А. Новикова // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. Сб. науч. трудов. Вып. 7. – Симферополь : Крымск. Архив, 2014 (в печати).
2. Medieval English Verse. Trans. with an Introduction by Brian Stone / [Text]. – Penguin Books Ltd., 1964. – 256 p. – P. 40–41.
3. Stone Brian. Poems on Passion / Brian Stone // Op. cit., p. 34.
4. Hereford [Херефорд] / [Текст] // Великобритания. Лингвострановедческий словарь. Под ред. Е. Ф. Рогова. Авт. А.Р.У. Рум и др. – М. : Рус. язык, 1978. – 480 с. – 205 с.
5. [Б. э.] Палестина / [Текст] // Библейская энциклопедия. В 2-х кн. Кн. 2. Н – О. [Репринтное изд-е]. – М. : Изд-во СПМСИ и др., 1990. – 480 с. – С. 54–57.
6. Аверинцев С. С. Иудаистическая мифология / С. С. Аверинцев // С. С. Аверинцев. София – Логос. Словарь. Сост. К. Сигов. – К. : Дух і Літера, 2000. – 449 с. – 107 с. сл.
7. Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха / М. Л. Гаспаров. – М. : Наука, 1989. – 303 с. – 109 с. [стихиры].
8. Молитвослов / Триодъ Постная. – СПб. : Общество Св. Василия Великого, 1996. – 480 с. – С. 206–207.
9. Clark, Sir Kenneth. The Nude / Sir Kenneth Clark. – Oxford University Press, 1935. – 321 p. – 161 p.

Семенец О.С.**УДК 821.131.1-31 «20/21»:82'01****МЕСТО ТВОРЧЕСТВА БЕРНАРА ВЕРБЕРА В ЛИТЕРАТУРНОМ ПОТОКЕ РУБЕЖА XX-XXI ВЕКОВ**

Аннотация. В статье предпринимается попытка определить место творческого продукта современного французского писателя Бернара Вербера в литературном потоке рубежа XX-XXI веков. В результате анализа его произведений делается вывод о сознательном стремлении прозаика объединить стратегии элитарной и массовой литературы, что удовлетворяет читательский запрос «офис-интеллигенции». Следовательно, Б. Вербер позиционируется как представитель мидл-литературы, новообразования в литературной иерархии новейшей литературы.

Ключевые слова: Франция, рубеж XX-XXI веков, Б. Вербер, мидл-литература.

Анотація. В статті зроблено спробу визначити місце творчого доробку сучасного французького письменника Бернара Вербера у літературному потоці порубіжжя XX-XXI століть. В результаті проведеного дослідження робиться висновок про свідоме прагнення митця поєднати стратегії елітарної і масової літератур, що задовольняє читачький запит «офіс-інтелегенції», а Б. Вербер позиціонується як представник мідл-літератури, новоутворення в літературній ієрархії новітньої літератури.

Ключові слова: Франція, порубіжжя XX-XXI століть, Б. Вербер, мідл-література.

Summary. In the paper we attempt to define the place of the creative product of the modern French writer Bernard Werber in the literary stream at the end of 20th and the beginning of 21st centuries.

On the basis of the novel "The Last Secret" we find an illustration of features of the mass literature (using the matrix of the detective genre) as well as elitist one (intertextuality, collages, etc.). The author successfully fulfills not only entertaining and educational function of the literature, characterised as "Fiction", but also helps to activate the cognitive processes inherent in the «high» literature. The study concludes that the prose writer made a conscious effort to combine strategies of elite and mass literatures to satisfy the reader's query of «office-intellectuals» (a wide range of educated inhabitants with sufficient intertextual competence and seeking active receptive activity).

Consequently, B. Werber is positioned as a representative of the middle-literature – an innovation in the literary hierarchy of the new literature.

Keywords: France, the end of 20th and the beginning of 21st centuries, B. Werber, middle-literature.

Общество начала XXI века оказалось на пороге новой эпохи, возникновения новой цивилизации, которую М. Эпштейн назвал «протеистической» по имени греческого бога Протея, способного принимать облик различных существ и, что характерно, оказавшийся седьмым старцем, когда, наконец, явился в собственном обличье. В отличие от рубежа XIX-XX веков с его отрывом от прошлого, презрением традиций, радикализмом и верой в избранность немногочисленных гениев, протеизм новой цивилизации debut de siècle лишён категоричности, радикальности, хроноцидов и манифестов. Он «вбирает в себя тот объем времени, который позволяет ему быть в начале – и видеть себя с конца, экспериментально дерзать –